Луговцова, С.Л. «К стопам вашим припадая…» судьбы членов «Содружества польского народа» в 40-е гг. XIX в. / С.Л. Луговцова // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 157-165.

С. Л. Луговцова

«К СТОПАМ ВАШИМ ПРИПАДАЯ...»: СУДЬБЫ ЧЛЕНОВ «СОДРУЖЕСТВА ПОЛЬСКОГО НАРОДА» В 40-е гг. XIX в.

Статья посвящена судьбам участников Мозырского демократического общества (1836—1838), входившего в состав «Содружества польского народа» (1835—1839), организованного Ш. Конарским. На основании анализа широкого круга источников автор выясняет, какие приговоры были вынесены участникам общества, каким образом в 40-е гг. XIX в. сложилась судьба Я. Былевского, П. Грабовского, А. Гутовского, Н. Еленского, Я. Еленского, Я Рудзиевского. Автор выясняет, что на процесс принятия решений относительно судеб политических преступников влияли следующие причины объективного характера: сотрудничество (или отсутствие такового) со следствием; содержание характеристик должностных лиц о поведении и образе мыслей ссыльных; готовность (или отсутствие таковой) губернаторов тех мест, куда ссыльные должны были вернуться в случае положительного решения их дел, взять на себя ответственность за новых подопечных.

The article is devoted to the fate of participants of the Mozyr democratic society (1836—1838) that was a part of the «Polish people's concord» (1835—1839) organized by Shymon Konarski at the territory of the former Polish state. Based on analysis of a wide range of sources the author finds out what sentences were passed on the members of the secret society; observes the destinies of Y. Bylewsky, P. Grabowski, A. Gutowski, N. Yalensky, J. Yalensky I Rudziewsky in 1840-th years. The author finds that the process of making decisions about the fate of political prisoners depends on the following reasons: cooperation (or lack thereof) with the investigators; maintenance of characteristics of the officials about the behavior and the way of thinking of the exiles; availability (or lack thereof) of the governors of the territories, where the exiles would possibly come back, to take responsibility for the new wards.

Ключевые слова: «Содружество польского народа», шляхтичи, приговор.

Keywords: «Polish people's concord», the nobles, the judgment.

Представленная статья является продолжением цикла публикаций, посвященных демократической организации «Содружество польского народа», организованной Шимоном Конарским на территории бывшей Речи Посполитой. Ш. Конарский относился к тем польским шляхетским революционерам, которые мучительно переживали итоги восстания 1830—1831 гг., искали пути борьбы с самодержавием на демократических началах. Эти начала подразумевали ликвидацию феодальных пережитков, участие в борьбе освобожденных крестьян, учреждение в будущем республики с равным представительством в законодательном органе всех свободных народов польского государства. Тайно пробравшись в конце 1835 г. через границу Российской империи, Ш. Конарский сумел создать на ее территории сеть организаций, основанных на новых принципах. Одной из таких ораганизаций стало Мозырское демократическое общество (1836—1838 гг.), деятельность которого была рассмотрена ранее [11]. В данном случае обратимся к судьбам участников общества после исполнения над ними приговоров, вынесенных особой комиссией военного суда в феврале — марте 1839 г.

Начало процесса смягчения наказаний для участников Мозырского общества положило письмо виленского военного губернатора и генерал-губернатора Гродненской и Минской губерний Ф. Я. Мирковича военному министру А. И. Чернышеву, в котором он 1 апреля 1841 г. обратился с ходатайством о смягчении участия ряда лиц, проходивших по «делу

Луговцова Светлана Леонидовна — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук. E-mail: sv.lougovtsova@gmail.com

Конарского». Причины своего ходатайства губернатор подробно объяснил. Он считал, что состоявшая при нем следственная комиссия «при всем усердии председателя и членов ея» встретила большие препятствия в расследовании дела об антиправительственных действиях студентов Виленской медико-хирургической академии. Под препятствиями имелось ввиду нежелание студентов академии сотрудничать со следствием. Вместе с тем именно чистосердечное признание многих лиц, проходивших «по заговору эмиссара Конарского», способствовало быстрому развитию следствия. Причем, «высказывая все самые обличительные подробности, вынуждали они и других к сознанию» [3, л. 1]. Ф. Я. Миркович развил свою мысль 5 апреля — в письме к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу: «Вникая тщательно в причины замедления хода работы следственной комиссии <...> убеждаюсь, что оно проистекает не столько от безнравственности и бессовестности людей, предающихся политическим замыслам, сколько и от **вкоренившегося здесь вообще убеждения, что сознание и раскаяние не спасают личности каждого и не избавляют их от ответственности** (*выделено автором. — С. Л.*). Проникнутые этою мыслью политические арестанты сохраняют упорное молчание <...>, всем убеждениям и усилиям следователей противопоставляют самое закоренелое упорство [3, л. 14—14 об.]. Губернатор предложил ходатайствовать о помиловании тех осужденных по делу Ш. Конарского, "кои известны правительству и публике здешней, как люди, выдавшие все тайны эмиссара"» [3, л. 15].

В список, представленный Ф. Я. Мирковичем, вошли Я. Былевский, Л. Орда, А. Ожешко, И. Родзевич, Ф. Терлецкий, П. Грабовский, Э. Горнич, С. Казакевич и М. Конча [3, л. 3—12]. Всем им предлагалось смягчить наказание по случаю бракосочетания наследника престола Александра Николаевича [3, л. 13]. Включенные в список Я. Былевский и П. Грабовский имели прямое отношение к делу о Мозырском демократическом обществе.

Ян Былевский был признан членами следственной комиссии активным участником общества в Мозырском уезде. Отметим, что он не разделял многих взглядов Ш. Конарского. Построение некоего высоконравственного общества, в котором помещики и крестьяне доверяют друг другу, представлялось ему утопическим и могло быть «приведено к исполнению через каких-нибудь сто лет» [7, л. 64 об.]. Тем не менее Я. Былевский согласился принести присягу о вступлении в общество, пожертвовал средства на его цели. Кроме того, он не смог отказать своему другу Игнатию Родзевичу и принял от него организационные документы общества с целью распространения демократических идей в Луцком уезде Волынской губернии. Следствие также выяснило, что Я. Былевский неоднократно помогал скрываться от полиции участникам восстания 1830—1831 гг. В 1833 г. он вступил в созданное «на аристократических началах» тайное общество эмиссара Доминика Булевского с целью восстановления Речи Посполитой. Я. Былевский в ходе первых же допросов принес «самое чистосердечное сознание» и раскаяние в своих преступлениях [7, л. 64]. Комиссия военного суда причислила его ко второму разряду государственных преступников, что означало ссылку в Сибирь на каторжные работы с лишением всех прав дворянского сословия. Учитывая раскаяние подследственного, приговор был смягчен ссылкою в Сибирь на поселение [9, л. 5—5 об.].

В апреле 1841 г. Ф. Я. Миркович включил Яна Былевского в список лиц, представленный императору для «облегчения участи» [3, л. 3—12]. После рассмотрения его дела (в мае 1841 г.) Николай I предоставил ссыльному свободное местожительство в Сибири [3, л. 57 об.]. Перевод на свободное местожительство означал значительное улучшение положения. Автор «Хроники Сибирской» Ев. Ивановский (псевдоним Eu Heleniusz) описал, что в 30—40-е гг. XIX в. сосланные на каторжные работы и поселение в Сибирь шляхтичи бывшей Речи Посполитой составляли особое братство, поддерживая другу друга в тяжелых условиях жизни. У них была общая касса, в которую каждый вносил 20 % от всех денег и вещей, полученных от родных и близких. Благодаря этой кассе получали помощь малоимущие ссыльные, не имевшие никакой поддержки из дома. Кроме того, некоторые патриотически настроенные шляхтянки (Р. Со-

банская, К. Грохольская, С. Раковская и др.) добились от российского правительства права посылать ссыльным денежные средства. Благодаря их стараниям товарищеская касса процветала. Поселенцы не имели никаких юридических «прав деятельности». Контракты и даже покупки от их имени совершала специальная комиссия, ведавшая ссыльными. Как правило, члены комиссии обманывали и обсчитывали своих подопечных, но все же питание последних было значительно лучше того хлеба с песком, которым приходилось довольствоваться конфедератам Т. Костюшко. Сосланные в Сибирь на поселение могли быть жестоко избиты за любую провинность, как и каторжники, работавшее в рудниках. Однако поселенцы могли заниматься хозяйством, разводить скот и выращивать пшеницу. Те, кому давалось право свободного поселения, могли самостоятельно избрать место жительства в Сибири (выбирая ее более обжитую западную часть). А ссыльные, место поселения которых определялось властями, часто попадали в такие малонаселенные и труднодоступные места, куда не доходил луч братской помощи земляков, что значительно осложняло их существование [12, с. 367—370].

Римско-католический священник приходской церкви в м. Петрикове Мозырского уезда *Петр Грабовский* был арестован 13 августа 1838 г. как возможный участник «заговора Конарского». Виленская следственная комиссия установила, что он к заговору не принадлежал, однако в 1833 г. был членом тайного общества, организованного Д. Булевским, в котором принял на себя обязанности секретаря и взял условленное имя Паниградского. П. Грабовский читал сам и давал читать другим «возмутительные книги» [8, л. 1 об.—2]. Более двух недель арестованный священник молчал на допросах, но затем начал давать подробные показания. Военный суд причислил его к третьему разряду государственных преступников, приговорив к лишению духовного сана и высылке в Сибирь на поселение. Приговор был значительно смягчен именно по причине подробных показаний подследственного. В мае 1839 г. П. Грабовского выслали в Ходоровский монастырь Киевской губернии без лишения прав состояния и с освобождением имущества от секвестра [10, л. 1 об.—2]. После апрельского ходатайства виленского военного губернатора священнику было разрешено вернуться на родину под надзор полиции [3, л. 8—9].

Мелкий шляхтич *Александр Гутовский* в 1838 г. оказался под подозрением по двум причинам: служил у Я. Былевского и являлся родственником И. Родзевича — ближайшего сподвижника Ш. Конарского. На допросах А. Гутовский первоначально показал, что являлся членом Мозырского демократического общества. Однако позднее заявил, что дал ложные показания «от страха, к обществу не причастен». Непричастность Александра подтвердил и Я. Былевский [9, л. 97 об.—98]. В судьбе арестанта решающую роль сыграли показания самого Ш. Конарского, который утверждал, что они провели вместе несколько недель в имении Родзевича Лысово, где гуляли и ходили на охоту. Ш. Конарский признался, что во время совместных прогулок вел беседы «о путях просвещения шляхты и крестьян» [7, л. 332]. В результате этих показаний А. Гутовский был обвинен в том, что не донес властям о содержании разговоров с эмиссаром. Он был причислен к четвертому разряду преступников и отправлен рядовым в Отдельный Кавказский корпус с возможностью выслуги офицерского звания без лишения прав дворянского достоинства [8, л. 19 об.—20]. Его определили на службу в Мингрельский егерский полк [2, л. 332]. Отметим, что только по делу Ш. Конарского всего одна Виленская следственная комиссия (действовала также Киевская) и лишь в 1839 г. отправила на Кавказ 27 человек. Их судьбы ждут своего исследователя.

А. Гутовский не погиб в годы Кавказской войны. Мы встречаем известие о нем в январе 1842 г. как о сосланном во внутренние губернии империи под надзор полиции [3, л. 195]. Скорее всего, разрешение покинуть Кавказский корпус было получено им в октябре 1841 г. одновременно с еще одним подследственным по делу «Содружества» Н. Еленским [3, л. 99]. После 1842 г. А. Гутовский исчезает со страниц официальных документов. Учитывая, что это

был еще совсем молодой человек, не достигший 30-летнего возраста, можно лишь предположить, что он продолжал жить в одной из внутренних губерний России, не имея ни средств, чтобы обращаться с просьбами о возвращении на родину, ни родственников, которые могли бы ходатайствовать о нем.

В состав Мозырского общества входили двоюродные *братья Еленские*. Наполеон Еленский не только был активным членом общества, собственноручно переписал его документы, сам искал контактов с противниками российской власти, но ранее с оружием в руках участвовал в восстании 1830—1831 гг., а также являлся членом тайного общества 1833 г. Он отказался сотрудничать со следствием и по приговору суда был отнесен к третьему разряду государственных преступников, лишен дворянства и сослан рядовым без выслуги в Отдельный Кавказский корпус. Принадлежащее ему недвижимое имущество было разрешено оставить законным наследникам [9, л. 98—98 об.]. При конфирмации (утверждении) приговор был смягчен возможностью выслужить офицерское звание. Н. Еленский был отправлен в Мингрельский егерский полк. В составе полка он участвовал в августе 1839 г. в кровопролитном штурме горного аула Ахульго в Дагестане, ставшего укрепленной резиденцией имама Шамиля [6, л. 37].

Об освобождении Н. Еленского от службы в связи с «болезненным состоянием» ходатайствовала его сестра Мальвина Оскерко. Получив из полка отзыв о «хорошем поведении и болезненном положении» солдата, военный министр разрешил освободить его от службы. В октябре 1841 г. он был сослан в Пензенскую губернию под надзор полиции [3, л. 99]. Вместе с тем виленский военный губернатор отказался удовлетворить ходатайство М. Оскерко о возвращении Н. Еленского на родину. Ф. Я. Миркович посчитал, что тот не достоин снисхождения, так как не признался в принадлежности к тайному обществу, а также в связи с тем, что в крае «еще так свежи все происходившие с Конарским события» [3, л. 113].

В июне 1842 г., накануне дня рождения Николая I (25 июня (6 июля) императору был представлен список уроженцев западных губерний «для облегчения их участи» [4, л. 19—19 об.]. На этот раз о возвращении Н. Еленского на родину просила его мать Камилла. Однако положение сына осталось без изменений. В отказе пояснялось, что его участь уже была облегчена в 1841 г. [4, л. 206]. «Истощенная долговременным страданием и тоскою», К. Еленская умерла 29 мая 1843 г. [5, л. 98]. Уже в августе 1843 г. с прошением вновь обратилась М. Оскерко, подчеркивая, что дела имения находятся «в критическом и печальном положении» и она крайне нуждается в помощи и защите брата [5, л. 98 об.]. Вслед за сестрой о своем возвращении на родину просил сам Н. Еленский [5, л. 176]. Военное министерство запросило мнение Пензенского губернатора о его поведении. Губернатор сообщил, что тот «ведет себя хорошо и ни в чем предосудительном не был замечен» [5, л. 104]. Трудно представить другой ответ, учитывая, что ссыльный прекрасно вписался в пензенское общество: некоторые жители города стали его друзьями, сожалея впоследствии о разлуке, а сестра губернатора была в него влюблена [6, л. 37].

В ноябре прошение о благосклонности к Н. Еленскому подал его брат — коллежский секретарь Бернович [5, л. 175]. Вновь были запрошены отзывы должностных лиц о его поведении. И 17 февраля 1844 г. император разрешил ссыльному вернуться на родину под надзор полиции и личную ответственность губернского предводителя дворянства. Он был доставлен в Минск 22 марта 1844 г. [5, л. 296, 310].

Следующий случай свидетельствовал, что полицейский надзор не являлся простой формальностью. Мозырский земский исправник вместе со штаб-капитаном корпуса жандармов Маньковским 29 мая 1844 г. неожиданно приехали в имение Лучицы, в котором приживал Н. Еленский. Им показалось подозрительным, что камердинер заявил об отсутствии господина, в то время как последний был дома. Кроме того, они обнаружили некий листок, исписанный арабскими буквами и в некоторых местах кровью. И хотя Н. Еленский пояснил, что

приобрел листок во время штурма Ахульго, а написаны на нем слова молитвы, но «при том смутился», так что листок изъяли для дальнейшего расследования. Прибывшие должностные лица также не обнаружили у хозяина шкатулку для бумаг, что позволило им заподозрить, что она отсутствовала не случайно [6, л. 36—37]. Тут же был направлен рапорт о происшествии виленскому военному губернатору.

В 1839 г. следственная комиссия пришла к выводу о принадлежности к «Содружеству польского народа» не только Наполеона, но и *Яна Еленского*. Члены комиссии посчитали доказанным тот факт, что Ян жертвовал деньги на цели организации, стремился установить связь с членами Виленского тайного общества [7, л. 144 об.]. Было также выяснено, что в 1831 г. он служил в ополчении царства Польского и попал в плен в сражении против российских войск, однако был прощён [7, л. 316 об.—317]. При вынесении приговора по делу Я. Еленского комиссия военного суда приняла во внимание свидетельства докторов о том, что арестованный длительное время страдал «помешательством ума» [9, л. 9]. Он был причислен к четвертому разряду государственных преступников и весной 1839 г. сослан в Вятку под надзор полиции без лишения дворянских прав [9, л. 98—98 об.].

Прошло немногим более полугода, и условия существования Я. Еленского в Вятке резко ухудшились. Дело в том, что в декабре 1839 г. проходивший по делу Пинского демократического общества В. Горнич неожиданно начал свидетельствовать не только против своих товарищей, но и лиц ему малознакомых. Он заявил, что случайно столкнулся с Я. Еленским в коридоре Виленского базилианского (место содержания подследственных) монастыря. Якобы во время встречи тот обратился к нему с просьбами. В частности, он рассчитывал, что из-за болезненного состояния Горнича не вышлют из края, а разрешат вернуться в Пинский уезд. К нему должен был прийти человек и задать условленный вопрос, знает ли он Зенона. Следовало ответить, что знает, и показать шнурок из красного шелка с узелком посередине. После чего «Зенон» должен был привести Горнича к присяге и передать деньги. Их следовало потратить на аренду имения Иванчицы Пинского уезда, «откуда удобнее было бы действовать на однодворцев» [1]. Для большей убедительности своих слов Я. Еленский показал Горничу письмо за подписью «Зенона», в котором говорилось: «Был я в Варшаве, Белостоке, Кременце. Во всех домах страдают о наших осужденных (имеются ввиду осужденные по делу Ш. Конарского. — *С. Л.)*, но завидуют вашей участи, ибо каждый также готов жертвовать...». И далее в столь же высокопарном стиле. На прощание Я. Еленский показал Горничу шелковый шнурок с узелком и предупредил о сохранении тайны, угрожая в противном случае смертью [1, л. 2—3 об.].

Отметим, что В. Горнич закончил жизнь самоубийством, признавшись перед смертью в «очернительстве» невиновных [1, л. 234]. Однако после его показаний в Вятку были посланы депеши виленского военного губернатора П. А. Долгорукова, и Я. Еленский был неоднократно допрошен, а в его доме произведен обыск с целью выяснения принадлежности к Дерптскому тайному обществу. И хотя Ян категорически отрицал все сказанное В. Горничем, условия его жизни резко ухудшились: его заставили переселиться в дом квартального надзирателя «для строжайшего полицейского надзора» [1, л. 161]. Фактически он вновь оказался под арестом. Новое заключение не только ограничило свободу Я. Еленского, но было «крайне затруднительно» и для местной полиции. Ведь квартальный, не имея возможности покинуть своего арестанта, также оказался как бы в заключении [1, л. 161 об.]. На сложившуюся

---

[1] Социальная группа однодворцев появилась в Беларуси на основании указа 19.10.1831 г. К однодворцам были отнесены лица, проживавшие в сельской местности, не доказавшие свое дворянское происхождение в ходе «разбора шляхты». Однодворцы вошли в состав податных сословий. Они исполняли все государственные повинности, включая рекрутскую. Естественно, среди них было достаточно недовольных российской властью.

ситуацию жаловался вятский гражданский губернатор И. П. Хомутов в апреле 1840 г. [1, л.161]. Настойчиво пытался ее исправить преемник Хомутова А. Н. Мордвинов. Он писал в Вильно, что один из квартальных надзирателей при Я. Еленском «находится неотлучно, включая прогулки по городу», что фактически оставляло весь квартал без присмотра. Кроме того, что столь строгий надзор неуместен в Вятке, городе малолюдном, где «известны начальству не только все действия, но и каждый шаг лиц, подлежащих надзору». Мордвинов считал необходимым отменить распоряжение П. А. Долгорукова от 31 декабря 1839 г. [1, л. 161]. Наконец 7 июля 1840 г. в Вильно согласились с точкой зрения вятского губернатора, и Я. Еленский обрел относительную свободу [1, л. 236].

В августе 1842 г. о возвращении Яна на родину ходатайствовала его мать Варвара Еленская. Она писала, что сын оказался членом тайного общества «не от неблагонамеренности, но от неосторожного отношения к другим, ибо одержим постоянной болезнью, терпел временами совершенное помешательство в уме; в таком положении легко мог быть вовлечен в дела, о которых вовсе и помышлять ему не случалось» [4, л. 202 об.]. Эти слова не являлись плодом воображения убитой горем женщины. Известно, что еще в 1839 г. отец Яна Павел Еленский просил освободить сына от ответственности, так как он был болен «меланхолией» и не мог быть деятельным участником тайного общества [9, л. 8—8 об.]. К прошению были приложены свидетельства двух врачей. Доктор медицины и хирургии Спасович утверждал, что лечил Еленского, страдавшего «помешательством ума разнопредметного (mania vagans)», и что болезнь была продолжительна и сильна [9, л. 9]. Доктора Гурин свидетельствовал, что у Я. Еленского случались «припадки» [9, л. 10]. По просьбе матери минский гражданский губернатор согласился поручиться за поведение ее сына во вверенной ему губернии [4, л. 69—70]. В сентябре 1842 г. было получено свидетельство вятского гражданского губернатора об отличном поведении ссыльного, однако никаких изменений в его жизнь оно не внесло.

В ноябре 1842 г. к Ф. Я. Мирковичу обратилась жена Яна, умоляя содействовать возвращению мужа на родину [4, л. 160]. Причем минский гражданский губернатор Г. Г. Доппельмайер засвидетельствовал, что она тяжело больна и не может «предпринять путь в Вятку для соединения с мужем, но неутешно скорбит о нем, и единственно по сей причине страдает иногда даже помешательством в уме» [4, л. 159]. Мольбы женщины были услышаны. В январе 1843 г. Я. Еленский получил шестимесячный отпуск на родину и 9 июля 1843 г. прибыл в Мозырский уезд Минской губернии [4, л. 206 об.; 5, л. 66]. Через три месяца, 11 октября, минский губернский предводитель дворянства Ошторп ходатайствовал перед Ф. Я. Мирковичем о возможности по окончании отпуска оставить Я. Еленского дома с тяжелобольной матерью, о которой некому заботиться. Ошторп ручался за его поведение, а мозырский земский исправник сообщал, что Еленский «ведет себя тихо, скромно и покорно» [5, л. 127—128]. Ян также подал прошение о возможности остаться на родине «для упорядочения дел» [5, л. 194]. Совместными усилиями ходатаи добились желаемого: 25 ноября 1843 г. император разрешил Яну Еленскому остаться в собственном имении под надзором полиции [5, л. 204].

Несмотря на надзор полиции, на родине Я. Еленский вел себя свободно. В частности, он был задержан старшим виленским полицмейстером за то, что прибыл в Вильно без разрешения [6, л. 97]. Выяснилось, что он приехал в город вместе с Наполеоном Еленским (имел подорожную от Минского губернатора) и Яном Дыбовским (также не имел документов). Записавшись помещиками Виленского (а не Мозырского!) уезда, они с 23 по 31 июля 1844 г. снимали квартиру в помещении бывшей медико-хирургической академии. Свое путешествие Я. Еленский объяснил необходимостью проконсультироваться с докторами по поводу болезни глаз и тем, что запрашиваемого паспорта ему пришлось ждать слишком долго. Он не оправдывался, а, наоборот, подал прошение Виленскому вице-губернатору о своем желании проживать в Вильно до полного выздоровления [6, л. 103—105]. Не известно, было ли получено соответствующее разрешение.

По распоряжению следственной комиссии под председательством князя А. И. Трубецкого в 1838 г. был арестован состоятельный помещик [2] Мозырского уезда, бывший уездный предводитель дворянства *Ян Рудзиевский*. Ближайший сподвижник Ш. Конарского И. Родзевич пытался привлечь его в члены «Содружества польского народа» и беседовал со своим старинным приятелем о том, что надо обходиться с крестьянами ласково, не давать им слишком много работы, объяснять необходимость совместной борьбы против российской власти. Однако Я. Рудзиевскому такой разговор не понравился. Он отвечал резко: мол, заигрывать с крестьянами «самоопаснейшее средство, и мужики при малейшем возмущении истребили бы сначала нас, помещиков и управителей имений». Разговор закончился тем, что И. Родзевич назвал друга трусом, заявив, что женатые люди «ни к чему не способны», и больше у него не появлялся [7, л. 165. Таким образом, в ходе следствия была доказана непричастность Я. Рудзиевского к Мозырскому демократическому обществу, но были раскрыты и другие его преступления. Во-первых, участие с оружием в руках в событиях 1830—1831 гг. (якобы под угрозой смертной казни со стороны восставших). Во-вторых, Я. Рудзиевский признался, что в 1833 г. вступил в тайное общество Д. Булевского [9, л. 94—94 об.]. Правда, после женитьбы летом 1834 г. на И. Чудицкой он избегал любых политических связей [7, л. 164 об.].

Особая комиссия военного суда 11 февраля 1839 г. приняла решение причислить Я. Рудзиевского к четвертому разряду государственных преступников и выслать на постоянное место жительства в Пермскую губернию под надзор полиции без лишения прав дворянского состояния и с разрешением пользоваться доходами принадлежащих ему имений [9, л. 98—98 об.]. В апреле 1841 г. жена Я. Рудзиевского обратилась с прошением на высочайшее имя о его возвращении на родину [3, л. 23]. Более девяти месяцев шла переписка государственных учреждений по «делу Рудзиевского». Пермский гражданский губернатор отозвался о его поведении похвально, были также получены прошения о возвращении ссыльного от двух уездных предводителей дворянства Минской губернии [3, л. 23 об.]. Однако решающим стало личное ручительство минского губернского предводителя дворянства, поддержанное Ф. Я. Мирковичем [3, л. 174—177]. Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф 20 января 1842 г. сообщил виленскому военному губернатору, что Я. Рудзиевский может вернуться на родину [3, л. 159].

После возвращения в наследственное имение Моисеевичи Мозырского уезда Я. Рудзиевский позволил себе обратиться к Ф. Я. Мирковичу с ходатайством о возвращении ему наличных денег, изъятых во время ареста: 112 полуимпериалов, 108 рублей серебром, 4 польских злотых и 20 грошей. У ходатая сохранилась расписка квартального надзирателя Соловьева об изъятии этих сумм [4, л. 290—290 об.]. Любопытен подготовленный чиновниками ответ. Позволим себе длинную цитату, являющуюся одним из ярких образцов канцелярской мысли: «Из дел бывшей Следственной комиссии видно, что не только от Рудзиевского, но и от других арестованных лиц были отобраны деньги и согласно предписанию П. А. Долгорукова от октября 1838 г. переданы в Виленскую казенную палату с тем, чтобы она вычла из оных отпущенные прежде из уездного казначейства деньги на продовольствие политическим преступникам, а из остатка выдавала бы Следственной комиссии на другие надобности по производству дела**.** Впоследствии на упомянутое распоряжение никто из арестованных лиц не жаловался, и не было примера, чтобы кому-нибудь из них взятые при арестовании деньги были возвращены» [4, л. 291—292]. Действительно, а зачем возвращать деньги тем,

---

[2] Имел в собственности имение Моисеевичи Мозырского уезда (400 душ обоего пола); часть имения Камень (18 крестьян); часть имения Маньковцы в Ошмянском уезде Виленской губернии (20 дворов), а также в нераздельной собственности с братом и двумя сестрами имение Осовец в Мозырском уезде (813 мужчин и 836 женщин) [7, л. 159—162 об., л. 320—321].

кто оказывается доволен (сослан на Кавказ, в Сибирь, отдаленные губернии) и не жалуется! Несмотря на попытку пожаловаться, не увидел своих наличных и Я. Рудзиевский.

Таким образом, по делу «Содружества польского народа» в Мозырском уезде Минской губернии было арестовано 7 человек. Уроженец Киевской губернии *Генрих Зеленка* был признан не причастным к обществу, освобожден из под ареста в феврале 1839 г. и выслан на родину [9, л. 98—98 об.]. Судьбы остальных шести подследственных рассмотрены в данной статье.

Наибольшее снисхождение властей получили Я. Былевский и П. Грабовский, активно сотрудничавшие со следствием. Приговор каждому из них был значительно смягчен во время конфирмации 1839 г., а затем в 1841 г. В результате Я. Былевский вместо каторги в Сибири имел право выбора там местожительства. П. Грабовский вернулся на родину уже в 1841 г. (вместо ссылки во внутренние губернии России). Первым из лиц, не включенных в список Ф. Я. Мирковича как активно сотрудничавших со следствием, в 1842 г. на родину вернулся Я. Рудзиевский [3]. Столь быстрому возвращению поспособствовали ходатайства родственников и, главное, местных должностных лиц, согласившихся поручиться за его поведение. В 1843 г. из ссылки в Вятку вернулся Я. Еленский. И наконец, в 1844 г. на родину прибыл участник восстания 1830—1831 гг., тайного общества 1833 г. и «Содружества польского народа», приговоренный к отправке рядовым в Отдельный Кавказский корпус без выслуги, Н. Еленский. К 1845 г. в ссылке оставался только А. Гутовский. Причем из всех подследственных он единственный не участвовал ни в событиях 1830—1831 гг., ни в обществе 1833 г., ни собственно в «заговоре Конарского», а был обвинен лишь в недоносительстве.

Пытаясь разобраться в столь явной несправедливости, вникая в хитросплетения российской межведомственной переписки 40-х гг. XIX в., можно сделать следующие выводы. На процесс принятия решений относительно судеб политических преступников влияли причины как объективного, так и субъективного характера. К объективным причинам можно отнести: активное сотрудничество (или отсутствие такового) со следствием; содержание характеристик должностных лиц (губернаторов, военного начальства) о поведении и образе мыслей ссыльных, проживавших (служивших) на вверенной им территории; мнение губернаторов тех мест, куда ссыльные должны были вернуться в случае положительного решения их дел. Подразумевалась готовность высокопоставленных чиновников (или отсутствие таковой) взять на себя ответственность за новых подопечных.

К причинам субъективного характера, на наш взгляд, относятся следующие. 1) Абсолютный характер власти монарха в Российской империи, определявший в качестве высшей судебной инстанции личное мнение императора. Его точка зрения зависела как от формы подачи материала по делу, так и от сиюминутного настроения. Не случайно, составляя годовой отчет за 1843 г., сам шеф жандармов А. Х. Бенкендорф удивился той «несообразности, что некоторые из числа политических преступников, причисленные по мере преступления их к низшему разряду, не получили еще облегчение участи, тогда как другие — более виновные — воспользовались совершенным прощением» [4, л. 211—212].

2) Форма подачи материала императору, которая заключалась в так называемых «экстрактах» (кратких выписках) по делу. Выписки эти часто состояли буквально из двух-трех строк, определяя в первую очередь, к какому разряду был приговорен преступник. Однако принадлежность к одному и тому же разряду вовсе не означала равнозначность преступных действий, «потеря» деталей (часто весьма существенных) объективно «уменьшала» количество проступков ссыльного и соответственно его вину.

---

[3] Не только в Мозырском уезде, а среди всех участников «Содружества» на территории Минской, Гродненской и Виленской губерний.

3) Периодичность подачи материалов на утверждение императору, которая зависела лишь от того, как часто поступали ходатайства о судьбе того или иного лица. Наибольшее доверие в Третьем отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии вызывали ходатайства должностных лиц высокого ранга (генерал-губернаторов, губернаторов). Однако высокие чиновники ходатайствовали редко и по особым обстоятельствам. Абсолютное большинство прошений о смягчении участи ссыльных подавали их родственники. Чаще всего писали матери политических преступников, «припадая к стопам» генерал-губернаторов, «умоляя о снисхождении», напоминая «о всепрощении Спасителя». К этим прошениям присоединялись жены, сестры, братья, дяди ссыльных, «взывая к милосердию» высоких должностных лиц и обещая до конца жизни молиться за здоровье их детей и внуков. Мольбы эхом отзывались в недрах российской бюрократии. По каждому прошению запрашивалась выписка по делу и мнение губернатора или военного начальника о поведении и образе мыслей ссыльного. Бюрократическая система в любом государстве в прямом смысле слова «шьет дела», добавляя в папку все новые и новые листы. И если в папке собираются три выписки по делу, то каждая последующая из них всегда будет короче предыдущей, оставляя за скобками все больше прегрешений политического преступника. А уж если в деле собирается три положительных свидетельства губернатора о благонадежности ссыльного, то каждое последующие свидетельство звучит весомее предыдущего. Таким образом, нанизывая, как бусинки на ниточку, положительные резолюции на скрепы дела, родственникам ссыльных удавалось значительно облегчить существование своих близких или добиться их возвращения на родину. У этой басни старая мораль: столь внешне эфемерная любовь и преданность родных в трудные минуты жизни становится самым прочным спасательным кругом. И не важно, какой на дворе век.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе (далее — ЛГИА). Ф. 378 (Канцелярия виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора, г. Вильно). Политический отдел, 1839 г. Оп. 130. Д. 145 на 257 л.
2. ЛГИА. Ф. 378, п/о. Оп. 216. Д. 73 на 344 л.
3. Там же. Д. 154. Часть первая на 253 л.
4. Там же. Д. 155. Часть вторая на 297 л.
5. Там же. Д. 156. Часть третья на 330 л.
6. Там же. Д. 157. Часть четвертая на 358 л.
7. ЛГИА. Ф. 1269 (Следственные комиссии о тайных обществах, г. Вильно). Оп. 1. Д. 5 на 362 л.
8. ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 18 на 94 л.
9. Там же. Д. 19 на 99 л.
10. ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 24 на 46 л.
11. *Луговцова С. Л.* «Заговор Конарского»: Мозырское демократическое общество и его участники // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2010. С. 297—315.
12. *Helleniusz Eu*. Kronika Syberyjska // Wspomnienia Narodowe przez eu ... go Helleniusza. Paryz, 1861. S. 365—407.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2012 г.